

УДК 81'34

УДАРЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ПУШТУ: ТРАДИЦИОННАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ И ОБЪЕКТИВНЫЕ ДАННЫЕ (пилотный эксперимент)

Андросова Светлана Викторовна

д.филол.н., профессор кафедры иностранных языков

Амурский государственный университет

675027, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе 21, androsova_s@mail.ru

Нур Ахмад Айл

аспирант кафедры иностранных языков

Амурский государственный университет

675027, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе 21

Пушту относится к языкам со словесным ударением, на роль ведущих коррелятов которого претендуют основной тон, интенсивность и длительность, однако данные противоречивы. Пилотный перцептивный эксперимент показал ведущую роль (ранг 1) качества гласного и нестабильную оценку длительности (ранг 1 / ранг 4). Акустический анализ показал увеличение длительности в ударных слогах по сравнению с безударными. На примере гласных /ā/, /a/ обнаружена выраженная редукция качества, заключающаяся в заметных отклонениях значений F1 и F2 в безударных позициях по сравнению с ударными. При наложении просодии фразы длительность и качественный состав слога в исследуемом материале были наиболее устойчивыми коррелятами, различающими ударные и безударные слоги с одной и той же гласной фонемой.

Ключевые слова: словесное ударение; согласный; гласный; слог; акустический коррелят; редукция; восприятие.

1. Введение

1.1. Общие сведения

На языке пушту или пашту (Pushtu, Pashto etc.) говорит более половины населения Афганистана, около 90% Северо-западной пограничной провинции Пакистана, также он распространен в пакистанской провинции Белуджистан и в Иране, концентрируясь в основном в одной географической области [Tegey, Robson 1996: 14–15] (см. также: [Robson, Tegey 2009]). Пушту можно назвать основным языком Южной Азии [Наз Баханд 2019]. Его носителей на территории Афганистана называют (афганскими) пуштунами. По данным 1996 г., среди пуштунов уровень грамотности достигал лишь 5% [Tegey, Robson 1996: 16].

Пушту относится к иранской ветви (восточно-иранской, точнее, юго-восточной группе) индоевропейской языковой семьи и находится в близком родстве с персидским [Novák 2013: 61; Tegey, Robson 1996: 19], курдским, белуджским, таджикским и осетинским языками, образующими единый ареал [Вайнрайх 2014: 9; Tegey, Robson 1996: 18]. Несмотря на использование арабского письма (персо-арабского скрипта [Madiha 2015]),

пушту не находится в близком родстве с арабским, равно как и с тюркскими языками, такими как узбекский и туркменский и, будучи самым консервативным из иранских языков, сохранил архаичные грамматические черты, утерянные в других иранских языках (например, эргативные конструкции, род существительных); с другой стороны, он впитал некоторые фонетические черты индийских (индоарийских) языков, в частности, ретрофлексные согласные, которые в иранских языках не представлены [Дворянков 1960: 24–25; Tegey, Robson 1996: 18]. Следует, однако, подчеркнуть, что в среде историков и филологов бытуют разногласия о происхождении пушту [Наз Баханд 2019].

Имея статус национального языка в Афганистане, пушту является вторым престижным языком после языка дари и представлен тремя основными диалектами (или диалектными группами), разница которых осознается носителями языка, – западным или кандахарским (Kandahar), центральным или кабульским (Kabul) и восточным или нинграхарским (Ningrahar) [Tegey, Robson 1996: 19] (см. также: [Madiha 2015]). Во-

сточный диалект может разделяться на северовосточный и юговосточный, а центральный носит название «гильзай» [Вайнрайх 2014: 28]. По более ранним данным Н.А. Дворянкова, внутри пушту диалекты объединяются в две ветви – восточную и западную [Дворянков 1960: 7–8]. Пушту в целом характеризуется значительной диалектной раздробленностью (при этом некоторые диалекты имеют надрегиональный характер), связанной с племенной раздробленностью и сохранением родоплеменного принципа организации общества (более 100 племен и родов) [Вайнрайх 2014: 7, 10, 28]. Языковые контакты пуштунов весьма обширны: веками он выступал и в качестве языка-донора, и в качестве языка-реципиента (испытывая влияние надрегиональных – персидского, тюркских и индоарийских языков, а также европейских языков, например английского, русского, французского) [Вайнрайх 2014: 7, 35; Novák 2013: 63; Tegey, Robson 1996: 20].

Процесс стандартизации пушту нельзя считать завершенным, и это касается норм как устной, так и письменной речи, причем в последней написание слов и пунктуация могут варьировать не только от автора к автору, но и в пределах письменных произведений одного автора [Tegey, Robson 1996: 20–21]. Причина заключается в отсутствии прочной грамматической традиции [там же: 21–22].

1.2. Фонетическая система и структура слога

Система согласных пушту, по данным разных авторов, насчитывает 30–32 фонемы, среди которых 4 ретрофлексных /t/, /d/, /ɳ/, /ʈ/, которых нет в других иранских языках, но которые присутствуют в индоарийских языках, а также 4 заимствованных, в основном из арабского и персидского, согласных /f/, /q/, /h/, /ʔ/ (подробнее см.: [Дворянков 1960: 13–16; Shahedkhel 2019; Tegey, Robson 1996: 24–29]).

Система гласных, по данным разных авторов, насчитывает 7–9 фонем, организованных в оппозиции по признакам напряженности или фонологической долготы (существование которой либо ограничено заимствованиями, либо спорно и, возможно, навеяно идеями исследователей, изучавших арабский, где долгота есть), подъему, ряду и огубленности; при этом гласные могут иметь ограниченную дистрибуцию, например, /i/, /e/, /o/, /u/ не употребляются в начале исконно пуштуновских слов, но встречаются в этой позиции в заимствованиях (подробнее см.: [Дворянков 1960: 11–13; Madiha 2019; Shaheedkhel 2019; Tegey, Robson 1996: 29–31]). Одни исследователи считают, что в пушту нет дифтонгов, а глайды /y/,

/w/ имеют статус согласных и образуют сочетания с некоторыми гласными, например /a/, /ā/, /u/ [Tegey, Robson 1996: 31–32]; другие выделяют дифтонги, например /ey/, /ay/, /oy/, /aw/ [Дворянков 1960: 11–13; Madiha 2015]. Во всех диалектах имеются признаки гармонии гласных, когда /e/, /o/ заменяются на /i/, /u/ соответственно, если за ними следуют соответственно /i/, /u/ [Tegey, Robson 1996: 31]. Исторически это может объясняться сдвигом ударения в восточно-иранских языках на последний слог, в результате которого /e/ и /o/ попали в безударную позицию [Novák 2013: 74].

Акустических исследований согласных и гласных пушту крайне мало (см., например: [Habib, Saeed 2016; Madiha 2015; Riaz-ud-Din, Rahman 2011;]), и они показывают, что и инвентарь реально используемых фонем, и их фонетические описания нуждаются в пересмотре, однако в рамках настоящей статьи такая задача не ставилась.

Структура слога в пушту допускает нулевую первую консонантную периферию и от одного до трех согласных в начале слога, открытые слоги и 1–2 согласных в качестве конечной периферии [Дворянков 1960: 16], при этом согласные так же, как и гласные могут характеризоваться ограниченной дистрибуцией, например, /h/ встречается только в начале слога, а /ɳ/, /y/, /w/ – только в конце (подробнее см.: [Tegey, Robson 1996: 31–37]). Исторически образование сочетаний согласных, особенно начальных, было нередко обусловлено синкопированием безударного гласного [Novák 2013: 54]. При подсчете количества слогов в слове с опорой на персо-арабский скрипт важно помнить, что гласные буквы не пишутся на месте /a/ в середине, /i/ в середине и конце, /o/ в середине, /ə/ в начале и в середине и /u/ в любых позициях в слове [Tegey, Robson 1996: 57].

1.3. Словесное ударение

Пушту относится к языкам, в которых присутствует словесное ударение [Тарбеева 2011; Tegey, Robson 1996: 37]. Данный язык лучше всего подходит для реконструкции ударения в староиранских языках (диалектах) и для того, чтобы проследить все произошедшие с течением времени сдвиги ударения [Novák 2013: 75, 77–78]. В этом новоиранском языке ударение довольно консервативно, что позволяет проследить рефлексы индоевропейского ударения, сравнимые с теми, которые можно наблюдать в греческом и балтославянских языках [Дыбо 1972; Cheung 2010: 120]. Ударение в пушту разноместное (свободное), динамическое, с небольшим повышением тона на ударном слоге [Дворянков 1960: 16–17].

Что касается рангов ударности, то Х. Тегей и Б. Робсон говорят о наличии главного и второстепенного ударения в пуштунских словах, состоящих их двух и более слогов, сложностях определения места главного ударения и крайне слабой изученности феномена второстепенного ударения [Tegey, Robson 1996: 40]. Авторы отмечают, что единственный надежный способ узнать о месте (главного) ударения – это спросить у пуштуна [там же: 37–38]. Между тем, в постановке ударения наблюдаются определенные тенденции [там же: 37–39; Ahmad 2018: 26]:

- 1) тяготение главного ударения к последнему слогу, если этот слог заканчивается на согласный, и к предпоследнему, если последний слог заканчивается на гласный, как, например, в формах мужского и женского рода *رنځور* /randzúr/ – *رنځوره* /randzúra/ ‘больной – больная’;
- 2) тяготение главного ударения к последнему слогу, если этот слог заканчивается на гласный, – это исключения из первого «правила», которых не меньше, чем слов, следующих ему; к таким исключениям относятся само название языка *пушту* *پښتو* /paxtó/ и немало заимствований из персидского языка с /ā/ в абсолютном исходе слова: *ابا* /abā/ ‘отец’, *اشنا* /ashnā/ ‘знакомый’; в словах арабского происхождения, заканчивающихся на /ā/, вторая тенденция уже не действует;
- 3) место ударения определяет аффикс, несущий грамматическую информацию, – приставка, интерфикс или суффикс, к которому ударение тяготеет, например, суффикс множественного числа мужского рода *-ina*, суффикс *-ég-* для образования прилагательных от существительных, глагольные префиксы *rá-*, *prá-* [Robson, Tegey 2009: 741–742; Tegey, Robson 1996: 39].

В.А. Дыбо указал на баритонирование (ударение на первом слоге) и окситонирование (ударение на последнем слоге) в афганских (=пуштунских) существительных и глаголах [Дыбо 1972: 43–44]. Ссылаясь на диссертацию Дж. Бека [Becka 1969], который работал на материале афганско-русского словаря М.Г. Асланова 1966 года, Дж. Чеунг отметил, что две третьих исконно пуштунских слов имеют ударение на последнем слоге; из них двусложные слова, каких в лексическом пласте было 52%, в подавляющем большинстве случаев (81,6%) имели ударение на втором слоге; трехсложные слова, каких в лексическом пласте было около 39%, также в большинстве случаев (60,2%) ударялись на последний слог, если заканчивались на согласный,

и на предыдущий слог, если заканчивались на гласный; четырех и пятисложные слова в подавляющем большинстве случаев имели ударение на предпоследнем слоге, но их часть (27,3% и 15% соответственно) характеризовались баритонированием [Cheung 2010: 109–110]. По мнению исследователя, именно в двусложных словах сохранилось исконное свободное ударение [Cheung 2010: 120].

В этом «плавильном котле» сформировались слова, отличающиеся только местом словесного ударения: /tānga/ – /tāngá/ ‘узкий – звук монет’, /áspa/ – /aspá/ ‘кобыла – пятнистая лихорадка, клещевой энцефалит’ и другие [Tegey, Robson 1996: 38]. Пушту – единственный из иранских языков, где слова могут отличаться только местом ударения [Robson, Tegey 2009: 725]. Справедливости ради отметим, что количество таких омографов мало [Тарбеева 2011].

Таким образом, системы консонантизма, вокализма и модели ритмической организации слова являются продуктами длительных языковых контактов. Учитывая пласты исконно пуштунской и заимствованной лексики (из персидского, арабского, английского, русского, а также интернациональные слова [Tegey, Robson 1996: 43–48]), ударение в пушту является свободным (может падать на любой слог), может носить лексический характер и может быть подвижным – сдвиг ударения обусловлен добавлением грамматических аффиксов, к которым тяготеет ударение [Novák 2013: 54].

В немногих исследованиях, посвященных словесному ударению (без разделения на главное и второстепенное), на роль его ведущих коррелятов претендуют основной тон, интенсивность и длительность. На материале чтения изолированных слов и предложений, а также восприятия естественных и синтезированных стимулов получены противоречивые данные о ведущей роли 1) основного тона (ОТ) и длительности; 2) длительности и интенсивности [Тарбеева 2011]; 3) длительности [там же]. Качество гласного при этом не упоминается. Однако известно, что в безударной позиции вместо гласного /a/ реализуется /ə/ [Tegey, Robson 1996: 31].

Словесное ударение, разумеется, взаимодействует с фразовым (на уровне фразы выделяют сильное, среднее и слабое ударение [Дворянков 1960: 17]), но фразовая интонация в исследованиях пушту сама по себе является «белым пятном» (в первом экспериментальном исследовании пушту выявлена общность с персидскими интонационными моделями и универсальные модели с деклинацией для утвердительных пред-

ложений и специальных вопросов либо частотные модели «подъём + высокое плато + падение», инклинация для общих вопросов [Rognoni et al. 2017]), равно как и поведение словесного ударения во фразе (отмечается только очевидная универсальная особенность, заключающаяся в том, что фразовое ударение усиливает словесное [Дворянков 1960: 17]).

2. Эксперимент

2.1. Материал и методика исследования

Материалом для исследования послужила спонтанная монологическая речь 11 носителей говора центрального гильджи/гильзайского (=Ghaljay/Ghilji), относящегося к северной диалектной группе пушту. Материал был записан на диктофон с частотой дискретизации 44 кГц,

снабжен традиционной орфографической записью на арабице и транскрипцией на МФА с расстановкой нормативного ударения. Для пилотного перцептивного и акустического эксперимента из спонтанных текстов, полученных в результате ответа на вопрос «Расскажите о себе» был выбран текст одного образованного диктора (магистр, направление подготовки – литература), из которого методом сплошной выборки было отобрано 23 слова: 4 двусложных, 11 трёхсложных, 6 четырёхсложных и 2 пятисложных. Имена собственные в список не вошли. Для эксперимента была разработана анкета, включающая эти 23 слова (см. Табл. 1, в которой представлена часть анкеты – вопросы для первого слова), правильный ответ предлагалось отметить галочкой (✓).

Таблица 1

Образец части анкеты

Salamona Sa ¹ la ² mo ³ na ⁴	Какой из гласных в этом слове – 1, 2, 3, 4 – может произноситься громче остальных?			
	1	2	3	4
	Какой из гласных в этом слове – 1, 2, 3, 4 – может произноситься дольше остальных?			
	Какой из гласных в этом слове – 1, 2, 3, 4 – может произноситься чётче остальных?			
	Какой из гласных в этом слове – 1, 2, 3, 4 – может произноситься выше по голосу, чем остальные?			

По каждому слову было задано 4 вопроса по количеству возможных коррелятов ударения – интенсивность, длительность, качество гласного и высота голоса (ОТ). Вопросы задавались исходя из гипотетической возможности («предложения» по В. Лефельдту [Лефельдт 2006: 15]) сделать тот или иной гласный (поскольку именно гласный несет основную нагрузку) громче, длительнее, четче произнесенным и выше.

Участниками эксперимента были 10 мужчин – носителей пушту того же говора. С каждым участником эксперимента анкетирование проводилось индивидуально. Участники не были ограничены в выборе только одного варианта при ответе на отдельно взятый вопрос, но подавляющее большинство из них выбирали только один вариант; лишь дважды на один вопрос было выбрано два слога, и это было уравновешено тем, что было пропущено по одному ответу на два слога. Всего было получено

825 реакций, которые подверглись дальнейшей обработке и интерпретации. Место нормативного ударения определялось экспериментатором и в случае сомнений проверялось по словарю [Каландар, Фарид 1994], где ударный гласный отображался нижним подчеркиванием; нормативное ударение сопоставлялось с выбором участников эксперимента.

Далее характеристики нормативно ударного слога – длительность, интенсивность, движение основного тона (ОТ) и качество гласного – в каждом из 23 слов замерялись в программе Praat и соотносились с данными перцептивного эксперимента. Поскольку доступные данные по формантам гласных представлены только для юсуфзайского диалекта [Riaz-ud-Din, Rahman 2011], именно они были взяты в качестве временного эталона (см. Табл. 2) для настоящего исследования, что оказалось возможным, учитывая принадлежность обоих говоров к одной и той же диалектной группе.

Таблица 2

Форманты и длительность пуштунских гласных (юсфазийский диалект)

Гласные пушту	Слово	Значение	F1 (Гц)	F2 (Гц)	Длительность (мс)
/i/	سرى	‘мужчины’	412	2131	142
/ɪ/	بين	‘запах’	423	2113	100
/e/	ميس	‘стол’	498	2051	160
/ə/	خر	‘осёл’	652	1535	97
/u/	شونده	‘губа’	448	1314	117
/ʊ/	كوزه	‘ниже’	458	1439	73
/æ/	قے	‘рвота’	551	2055	188
/a/	بنار	‘город’	702	1422	163
/o/	مور	‘мама’	556	1086	166

Очевидно, что в парах переднерядных узких /i/-/ɪ/ и заднерядных /u/-/ʊ/ средне-узких гласных разница по подъему и ряду незначительна, а вот разница по длительности заметно более выражена. В изучаемом говоре гильджи разница пар не фонемная, а аллофонная, отсюда – гласных фонем 7, а не 9.

2.2. Обсуждение результатов

2.2.1. Перцептивный эксперимент

Полученные данные говорят о следующем. По совокупности коррелятов, выбранных информантами для отдельно взятых слогов в словах, только половина слогов, воспринимаемых участниками эксперимента как ударные (назовем их условно слоги-фавориты), совпадало с нормативно ударным слогом в слове (12 из 24). В остальных словах было зафиксировано одинаковое или почти одинаковое количество ответов на два слога. Отметим, что среди не совпавших с нормативным местом ударения ответов фигурировали слова с разным количеством слогов, но ошибок в двухсложных словах было меньше всего; в трехсложных словах было почти равное количество верных и неверных ответов с «перевесом» неправильных в единицу; среди четырехсложных слов неверных ответов было в 2 раза больше, чем верных; из двух пятисложных слов в одном месте ударения было определено верно, а в другом – неверно.

Теперь перейдем к анализу коррелятов на нормативно ударных слогах и слогах-фаворитах. В целом, по 23 словам в нормативно ударных слогах ранг 1 по частотности выбора имел коррелят «качество гласного», ранг 2 – «интенсивность», ранг 3 – «высота ОТ» и ранг 4 – длительность. В слогах-фаворитах длительность и каче-

ство гласного имели ранг 1, интенсивность – ранг 2 и высота ОТ – ранг 3. Как видно из представленных рангов, роль длительности по оценкам испытуемых (на слогах-фаворитах) и на нормативно ударных слогах принципиально разная.

2.2.2. Акустический анализ

Акустический анализ коррелятов ударения в обозначенных 23 словах, как и перцептивный, не дал однозначных результатов. В словах, где один и тот же гласный реализовался и под ударением, и в безударной позиции, не всегда ударный гласный был длительнее безударного. Например, гласный /u/ в слове پوهنتون /puhantūn/ ‘университет’ под ударением оказался самым кратким, но самым интенсивным и с самым высоким ОТ (явно в силу его расположения на участке с инклинацией) из четырех гласных, реализованных в данном слове. Реализация той же фонемы в первом безударном слоге была большей длительности по сравнению с ударной позиции, но самой малой интенсивности и с самым низким ОТ из четырех гласных слова. Качество нормативно ударного гласного характеризовалось отсутствием редукции. Гласный-фаворит второго слога отличался лишь нередуцированным качеством, значения остальных параметров не были самыми высокими. Нормативно ударный /u/ в слове غرونه /kaɣuŋa/ ‘звуки’ также демонстрировал лишь отсутствие качественной редукции, а первый слог-фаворит – только преобладание интенсивности, но имел выраженную редукцию качества гласного до [o] под влиянием огубленного гласного следующего ударного слога.

Гласный /a/ в слове ژبړونه /zabproune/ ‘лингвистика’ реализовался и под ударением, и в без-

ударной позиции; ударная реализация продемонстрировала повышение всех параметров, кроме интенсивности. В этом слове нормативно ударный слог и слог-фаворит совпали. Гласный /a/ в безударной позиции имел более высокую интенсивность, но был короче и подвергся выраженной качественной редукции до [ɯ]. В слове *خرنگوالي* /tsarangwali/ 'качество' нормативно ударный гласный совпал с фаворитом и демонстрировал повышение всех параметров. Аналогичную картину, за редким исключением, можно было наблюдать и в других словах, содержащих и ударный, и безударный /a/. В слове *خانگی* /tsaŋge/ 'кафедра' ударный /a/ имеет самый высокий пик интенсивности, качественно не редуцирован и характеризуется небольшой инклинацией, попадая под влияние просодии фразы; он короче безударного /e/, но причина в гезитационном удлинении последнего, который при этом подвергся качественной редукции до [i]. В целом, самый частотный в наших словах гласный /a/ в безударной позиции мог качественно редуцироваться до [ə], а также до [o], [ɯ], [ʊ] под контактными и дистантными влияниями огубленных соседей – гласных и согласных, что проявилось в заметных отклонениях значений F1 и F2 от тех, что характерны для /a/.

Гласный /i/ в слове *لومړی* /lomɽi/ 'первый', будучи нормативно ударным, характеризуется повышением всех параметров, в отличие от гласно-фаворита. Аналогичная ситуация сложилась в слове *ژبپوهنيزی* /zɒpɒhəniːzi/ 'лингвистический', где, в отличие от *ژبپوهنی* /zɒpɒhəni/ 'лингвистика' произошел сдвиг ударения с /a/ на /i/, ярко выраженный повышением всех четырех параметров. Однако в слове *اداری* /idari/ 'администрация' нормативно ударный /i/ не характеризуется повышением параметров и ни один из трех гласных не подвергается качественной редукции; при этом гласный-фаворит не является самым длительным (хотя он самый открытый), но на нем реализуется пик интенсивности.

Гласный /e/, реализуясь и в ударной, и в безударной позиции в одном слове, так же, как и /a/, демонстрировал повышение всех параметров, например, в слове *څېړنې* /tʃeɽane/ 'исследовать'. В данном примере, к тому же, безударный конечный гласный выпал. Поскольку среди изучаемых слов была найдена только одна реализация ударного /e/, какие-либо обобщения пока делать невозможно.

3. Заключение

Пилотный перцептивный и акустический анализ 23 слов (двух- и более сложных), сегменти-

рованных из спонтанной монологической речи носителей пушту показал неоднозначное, но довольно стабильное увеличение длительности в ударных слогах по сравнению с безударными, особенно в словах, где одинаковая гласная фонема реализовалась и в ударной, и в безударной позициях. На примере гласных /ā/, /a/ обнаружена выраженная редукция качества гласного до нейтрального [ə], а также до [o], [ɯ], [ʊ], что наводит на мысль о необходимости изучения вариантности фонемного состава слов в пушту. Похоже, что при наложении просодии фразы, длительность и качественный состав слога являются наиболее устойчивыми коррелятами, различающими в исследуемом материале один и тот же гласный в ударном и безударном положении. Однако роль длительности, как и интенсивности, как ведущего коррелята не бесспорна. Основной тон на исследуемых словах полностью подчинен просодии фразы. Следует более пристально изучить роль качества гласного, поскольку отсутствие редукции явно претендует на то, чтобы быть одним из ведущих коррелятов ударения. Вместе с тем необходимо строго отделить случаи, где словесное ударение в слабой фразовой позиции не реализовалось, от тех, где оно было реализовано при поддержке просодической маркированности во фразе, дабы рассмотреть случаи, где просодия слова и просодия фразы а) не вступает в конфликт, б) вступает в конфликт.

Проведенный пилотный эксперимент скорее ставит дальнейшие вопросы и ни в коей мере не претендует на окончательные ответы. Проблемы, связанные с низкой грамотностью населения, конфликтом системы письма и произношения, диалектной раздробленностью, недостаточной изученностью парадигматики фонетических единиц диалектов и поведения фонем в потоке речи, а также тот факт, что стандарты для фонемной и аллофонной транскрипции разработаны далеко не для всех диалектов (даже крупных) осложняют сортировку и интерпретацию экспериментальных данных. Тем не менее полученные результаты можно считать отправной точкой для дальнейшего исследования фонологической системы говора гильджи.

Список литературы

- Вайнрайх М.* Миграция и язык: пуштуны в пакистанском высокогорье. Ереван: Кавказский центр иранистики, 2014. 180 с.
- Дворянков Н.А.* Язык пушту. М.: Восточная литература, 1960. 91 с.
- Дыбо В.А.* О рефлексах индоевропейского ударения в индоиранских языках // Конференция

по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков: предварительные материалы. М., 1972. С. 38–44.

Лефельдт В. Акцент и ударение в русском языке. М.: Языки славянской культуры, 2006. 248 с.

Наз Баханд. Этапы формирования языка пушту // V Новиковские чтения: Функциональная семантика и лингвосемиотика / Рос. ун-т дружбы народов. М., 2019. С. 22–25.

Тарбеева Н.М. Экспериментальное изучение словесного ударения в языке пашто // Междунар. молодежный науч. форум «Ломоносов 2011». М., 2011 (устный доклад).

Ahmad S. An Analysis of English Lexical Stress Patterns by Pashtun ESL Learners: Master of Philosophy in English (Linguistics) / National University of Modern Languages. Islamabad, 2018. 247 p.

Cheung J. Selected Pashto Problems I: The Accent in Pashto // Persica. 2010. V. 23. P. 109–121.

Habib A., Saeed A. Acoustics analysis of Pashto plosives // Science International. 2016. V. 28(4). P. 447–450. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sci-int.com/pdf/3590642791%20a%20447-450%20ACOUSTICS%20PROPERTIES%20OF%20PASHTO%20PLOSIVES-1.pdf> (дата обращения: 17.09.2021).

Madiha I. Phonemic Inventory of Pashto // Academia journal. 2015. P. 83–88. [Электронный ресурс].

URL: https://www.academia.edu/29905001/Phonemic_Inventory_of_Pashto (дата обращения: 19.09.2021).

Novák L. Problem of Archaism and Innovation in the Eastern Iranian Languages : Disertační práce. Univerzita Karlova v Praze, 2013. 262 с.

Riaz-ud-Din, Rahman G. The Acoustic Analysis of Pashto Vowels // Language in India. 2011. V. 11(11). P. 790–794.

Robson B., Tegey H. Pashto // Iranian Languages / Gernot Windfuhr (ed.). London – New York: Routledge, 2009. P. 721–772.

Rognoni L., Bishop J., Corris M. Pashto intonation patterns // INTERSPEECH 2017, August 20–24, 2017, Stockholm, Sweden. P. 1228–1232.

Shaheedkhel S. K. The phonemic value of Pashto language special letters // Journal of Arts & Humanities. 2019. Vol. 8, Iss. 7. P. 76–82. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theartsjournal.org/index.php/site/article/view/1666/767> (дата обращения: 23.09.2021).

Tegey H., Robson B. A reference grammar of Pashto. Washington, D.C.: Center for Applied Linguistics, 1996. 243 p.

ایجنسی بک یونیورسٹی: دریاب لغت پښتو. قلندر، ص، فریدم. مخ ۱۹۹۴، ۴۶۷، پیښور [Каландар М., Фарид С. Пуштуский словарь. Дарьяб: Университетское книжное агентство Пешавара, 1994. 467 с.].

LEXICAL STRESS IN PASHTO: TRADITIONAL VIEWPOINT AND EXPERIMENTAL DATA (pilot study)

Svetlana V. Androsova
Professor, Foreign Languages Department
Amur State University

Noor Ahmad Aail
PhD student, Foreign Languages Department
Amur State University

Pashto is one of the languages having lexical stress where pitch, intensity and duration compete to be considered the major acoustic cues of stress, with the data, however, being few and controversial. Our pilot perceptual study discovered the leading role (Rank 1) of vowel quality and unstable role (Rank 1 or Rank 4) of duration. The acoustic study demonstrated duration increase in stressed syllables compared to unstressed ones. The example of vowels /ā/, /a/ clearly showed vowel quality reduction manifested by considerable deviations from canonical F1 and F2 values in unstressed positions compared to stressed ones. In the material, under the overlap of lexical stress and phrase prosody, duration and vowel quality were the most stable acoustic cues to differentiate between one and the same vowel phoneme realization in the two positions.

Keywords: lexical stress; consonant; vowel; syllable; acoustic cue; reduction; perception.